

ИСТОРИЯ

Дмитрий Николаевич СТАРОСТИН¹

УДК 94(363.4)

ФРАНКСКОЕ КОРОЛЕВСТВО ЭПОХИ ПРАВЛЕНИЯ КАРОЛИНГОВ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

¹ кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Средних веков, Институт истории,
Санкт-Петербургский государственный университет
d.starostin@spbu.ru

Аннотация

В настоящем исследовании предпринимается попытка оценить основные характеристики каролингского «историзма», в данном случае представлений о месте истории и знаний о прошлом в рамках системы политической самоидентификации и легитимации. В частности, в работе ставятся две основные задачи: 1. Показать, что консенсус в отношении даже самых значимых исторических событий складывался в каролингском королевстве не просто и путем улаживания очень сложных трений между реально существовавшими альтернативными версиями; 2. Рассмотреть процесс формирования консенсуса в области исторических событий как социальный феномен и как результат необходимости для окружения Карла Великого принимать во внимание те противоположные мнения, которые возникли в среде местной знати как результат отторжения давления, сопровождавшего почти постоянное ведение Карлом Великим военных кампаний. Таким образом, ставится задача подчеркнуть, что, пытаясь создать свое видение

Цитирование: Старостин Д. Н. Франкское королевство эпохи правления Каролингов и особенности развития исторического мировоззрения / Д. Н. Старостин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 4. С. 105-127.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-105-127

истории, каролингский двор вынужден был не просто конструировать повествование о своем видении истории, но достигать согласия с образованной местной знатью в отношении общего видения прошлого в силу того, что из-за завоевательных кампаний Карла Великого в королевстве франков сложилась весьма напряженная ситуация, выразившаяся в появлении альтернативных каролингской версии истории королевства. В качестве эталонных событий для исследования процесса преодоления альтернативных версий истории в пользу версии, нужной именно Каролингам и их окружению, используются коронация Пипина III и ряд случаев из истории правления Карла Великого (как то восстание тюрингов и др.), на основании которых выстраивается определенная модель для интерпретации разногласий в исторической картине Каролингской эпохи. Новизна работы состоит в применении этой модели к битве при Тертри (687 г.), история которой как ключевого события, как показывается, была разработана только в источниках, связанных с престолом св. Арнульфа в Меце, но приглушена в источниках, возникших в иных, пусть и близких к Мецу, монастырях типа Лорша. Это говорит о том, что Каролинги были достаточно ограничены в возможностях манипулирования историческими дискурсами. Образ власти создавался в Каролингскую эпоху как историческая реминисценция, легитимация которой проходила путем коммуникации между правителем и его образованными подданными.

Ключевые слова

Каролингская империя, историография, коронация Карла Великого, битва при Тертри, образ Карла Великого, Людовик Благочестивый, историческое мировоззрение.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-105-127

Введение

Обращаясь к формированию основных аспектов цивилизации в период, когда франкским королевством правила династия Каролингов, историки традиционно сталкиваются с проблемой баланса между старым и новым в организации власти и в представлениях о ней. На чем основывалась легитимность Каролингов как династии по сравнению с традиционно описываемыми как «слабые короли» Меровингами [18; 65; 22, с. 276; 18; 17; 12; 52; 36; 22; 69]?

Ранние хроники, в которых отразились события этого времени, дают картину очень слабого проникновения представлений о королевской власти Каролингов в систему ценностей знати и свободных франков. Даже образованные люди королевства франков, часто происходившие из семей региональной по значению знати, в течение долгого начального периода каролингского господства не могли точно сформулировать критерии легитимности королевской власти. В частности, только три источника рассказывают о коронации Пипина III в 751 г., причем они довольно сильно расходятся друг с другом по части того, что именно произошло в ходе этого события, и понимания той роли, которую сыграл папа римский Стефан III (752-757 гг.) в рамках этого процесса. Например, оказалось, что в современных событиям источниках, таких как *Contunuator Fredegarii*, *Annales regni francorum*, и в *Clausula de unctione Pippini* картина при-

хода к власти Пипина III выглядела совершенно по-разному, причем ключевые события, в наши дни воспринимаемые историками как часть единого ритуала легитимации, для современников не были связаны воедино, потому что присутствовали в совершенно разных источниках. Так, папская санкция на избрание майордома королем и его помазание Бонифацием присутствовала в Лоршских анналах, а *Clausula de unctione Pippini* описывала процесс помазания его на царство уже не вышеупомянутым англо-саксонским миссионером, а самим папой римским: «Mandavit itaque praefatus pontifex [Zacharias] regi et populo Francorum, ut Pippinus qui potestate regia utebatur, rex appellaretur, et in sede regali constitueretur. Quod ita et factum est per unctionem sancti Bonifatii aei Suessionis civitate» [56, с. 15-16, 21; 53, с. 136; 9, а. 751]. Фактически эти современные времена Пипина III и Карла Великого источники не имели даже общей хронологии, и их (небесспорное) сведение в единую канву событий было сделано только в начале XX в. [47, с. 294-295].

Таким образом, еще около 800 г. единого исторического нарратива в источниках по истории франкского королевства не существовало. Этот факт ярко показывает, что история и знание о прошлом не сразу стали центральными для процесса легитимации власти королей франков из рода Пипинидов, потому что даже во время наибольших успехов Карла Великого как правителя общеевропейского масштаба не существовало единой версии истории успеха этого короля франков. Исследуя коронацию Карла Великого, историки подмечали, что и в этом случае единообразия исторического нарратива не существовало [48].

В настоящей статье предпринята попытка показать (не только на примере сообщений о приходе к власти и о коронации), как отражались в репрезентациях власти в исторических сочинениях проблемы поиска консенсуса между королем франков и местными магнатами. Делается попытка установить временной диапазон, когда произошло согласование различных версий, и в частности будет выдвинуто предположение о том, что произошло оно позже, в результате первой или первых двух деkad правления Людовика Благочестивого. В настоящем исследовании предпринимается попытка показать, что процесс согласования разных версий был результатом попыток легитимации власти посредством обращения историков как при дворе, так и в разбросанных по всему королевству франков монастырях к историческому знанию. Особое внимание уделяется установлению тех способов, которыми единый исторический нарратив создавался в контексте поиска согласия между каролингским двором и региональными магнатами. В частности, создание исторического нарратива исследуется как способ коммуникации между знатью и историками, местными и придворными, смысл которой состоял в нахождении общего языка власти.

Каролингские историки и их отношение к историческим представлениям поздней Античности

Необходимость легитимации власти, которая столь сильно проявлялась у королей — потомков Пипина III, делала все события из истории королевства франков крайне значимыми темами. В связи с этим чрезвычайно важным представляется

ся вопрос о правильной интерпретации тех представлений, которые можно найти у каролингских историков, а именно поиск возможных «двойных прочтений» и подтекста. Проблема именно каролингского историописания состоит в его кажущейся прагматичности, так как в сочинениях авторов этой эпохи можно увидеть в первую очередь описание и крайне редко — интерпретацию событий, непосредственно совпадавших в хронологическом отношении с жизнью самого автора. В отличие от историографических сочинений Высокого Средневековья [34], в отношении которых современные историки могли ставить глобальные вопросы, как то смысл философии исторического мирозерцания или преемственность по отношению к образцам позднеантичного историописания, историческое мировоззрение каролингского периода исследовать сложнее. Главная причина состоит в том, что их авторы, в отличие как от своих предшественников типа Григория Турского, так и от более поздних историков, не задавались вопросами относительно смысла исторического исследования или значимости истории как особой формы знания. Например, Эйнхард извинялся перед своими слушателями за написание именно истории современных ему событий. Он писал, например, что вряд ли найдется много людей, которые считали бы, что современное положение дел недостойно того, чтобы его записать в истории: «*Et quamquam plures esse non ambigam, qui otio ac litteris dediti statum aevi praesentis non arbitrentur ita neglegendum, ut omnia penitus quae nunc fiunt velut nulla memoria digna silentio atque oblivioni tradantur...*» [24, Prologus]. Однако сама по себе постановка вопроса говорит о том, что могли быть и такие, кто отвергал необходимость писать именно историю Карла Великого. Таким образом, он чувствовал разницу между «всеобщей историей» как жанром и жизнеописанием пусть важнейшего для истории Европы, но все-таки одного правителя.

В особенности это было актуально потому, что Карл Великий оставил после себя неоднозначное наследство, а слой свободных франков, по-видимому, значительно пострадал от военных кампаний и от попыток имперской администрации получить максимальное количество ресурсов для ведения этих кампаний [63, с. 405]. Поэтому историки XX в. искали в каролингской историографии прежде всего «классическую» (в смысле Средневековья) форму исторического повествования, т. е. всеобщую хронику. Отчасти в силу характерного для средневековых историков понимания этой разницы первая волна исследований XX в. была посвящена именно общим хроникам как главному жанру, к которым историки могли поставить те же вопросы, что и ко всеобщим хроникам Высокого Средневековья [14; 46, с. 513; 60, с. 14; 1]. Было показано, что в этой области историописания сочинения времени правления королей из династии Каролингов заимствовались из поздней Античности и в этом смысле являли собой пример здоровой преемственности с периодом более высокого по сравнению с ранним Средневековьем развития культуры.

Это направление исследований было продолжено рядом работ, в которых ставились уже более конкретные вопросы о подходах и взглядах на историю

авторов Каролингской эпохи. В частности, для того чтобы остаться на уровне, характерном для авторов «всеобщих историй», исследователи обратили внимание на заимствования историками Каролингской эпохи исторических приемов и методов более ранних историков. В частности, главным вопросом к историческим сочинениям эпохи правления Каролингов была преемственность по отношению к историческим приемам, методам и концепциям эпитом, хроник и исторических сочинений поздней Античности, как то «Жизнь двенадцати цезарей» Светония и др. [1, с. 86, 161]. Возможно, именно такой подход к источникам, как полагали историки, мог помочь им предстать не просто анналами или хрониками, а сочинениями, в которых их авторы выражали сложные концепции знаний о прошлом. Таким образом, вопрос о концептуальности исторического знания превратился в глазах отдельных исследователей в вопрос о знании античных образцов и заимствовании из них как концепций, так и способов подачи материала. Остается отдельным вопросом сам факт сведения проблемы исследования исторического мировоззрения Каролингской эпохи только к заимствованиям античных образцов. Однако было также показано, что процесс передачи и формирования исторического знания прошел в Каролингскую эпоху через ряд крайне существенных преобразований и что модель позднеантичного историописания не объясняет тех процессов, которые лежали в основе историописания королевства франков в этот период. В частности, ко времени написания своей истории Нитард считал, что прошлое в целом (под которым, вероятно, он подразумевал как прошлое франкского королевства, так и античное) имеет мало отношения к настоящему и что современность творится деяниями людей, а не традициями прошлого [43, с. 249; 1, с. 187]. В целом изучение исторических сочинений и библиотечных каталогов Каролингской эпохи показывает, что историки этого периода брали из античных сочинений только фактологическую основу, но никогда интерпретации и объяснения [2, с. 79]. Было указано также, что вопрос новизны в каролингском историописании более сложен, чем кажется, потому что характерные для каролингских авторов приемы можно усмотреть уже у Беды Достопочтенного [3, с. 180]. Таким образом, вопрос об особенностях каролингского историописания стал вопросом о связи Античности и Средневековья, что не покрывает всей сложности проблемы. В особенности болезненной осталась проблема не столько методов создания исторического нарратива, сколько уникальности исторического мировоззрения каролингского периода.

«Новаторство» историков эпохи Каролингов как проблема исследования исторического мировоззрения

Следовательно, и по сей день вопрос о новаторстве историков Каролингской эпохи по сравнению с их предшественниками не решается однозначно, потому что они могли во многом продолжать традиции, заданные их непосредственными предшественниками в более ранние периоды. Таким образом, суть их отношения к прошлому могла быть (и часто была) в значительной степени зави-

симой от таких предшественников, как Беда Достопочтенный, и ряда других, что могло делать их историческое мировоззрение повтором уже сложившейся исторической парадигмы. Например, именно это произошло с так называемой «каролингской реформой календаря», которая, как было показано, была лишь экстенсивным распространением работ и календаря Беды Достопочтенного среди скрипториев Каролингской эпохи без особой его переделки или даже концептуального осмысления [57]. Однако представляется, что в каролингском историописании есть более интересные моменты, подмеченные историками, способные развиваться в более широкие концепции. В частности, было отмечено, что сочинения историков времени Людовика Благочестивого и его сыновей в некоторых аспектах отличаются от сочинения Эйнхарда. Хотя говорить о возможности однозначно описать эти изменения сложно в силу того, что и время Карла Великого, и время Людовика Благочестивого были значительно схожи, но одновременно весьма отличались, подметить определенные изменения, как представляется автору этой статьи, можно. На основании упомянутых работ можно утверждать только, что во франкском историописании произошла трансформация в период, который с определенной условностью можно поместить между периодами активного творчества Эйнхарда и Нитарда. Историописание Каролингской эпохи прошло через значительный разрыв, когда темы франкского начала в истории стали заменяться на темы имперского господства франков [68, с. 70-71; 55, с. 99-102; 54; 28]. Таким образом, исследования показали, что речь идет не о том, чтобы бороться за приоритет каролингских историков в области создания нового исторического мировоззрения и новых подходов. Как было показано, изменилась социальная функция истории, которая по сравнению с предыдущим периодом приобрела новые функции. Интерес к истории в правление Карла Великого и Людовика Благочестивого стал настолько силен, что это привело к формированию совершенно особых концепций о месте представлений о прошлом в системе знаний образованных людей [51, с. 104]. В частности, в отличие от историков предыдущей эпохи (Григорий Турский, Исидор Севильский, Беда Достопочтенный), обращавшиеся к прошлому образованные люди каролингского времени были больше заинтересованы в том, чтобы использовать эту возможность для выражения суждений о власти и для ее легитимации.

В настоящей статье сделана попытка показать, что кардинальное отличие историков Каролингской эпохи от Григория Турского и Беды Достопочтенного (среди других) состояло в том, что, соотносясь с «каролингским проектом» и выстраивая свое повествование так, чтобы учесть видение королей и их окружения, они сделали историческое повествование способом найти «общий язык» с местной знатью. Опираясь на сюжеты, которые являются центральными для каролингской истории, это исследование рассмотрит, как историки, близкие ко двору, относились к восприятию своих сочинений читателями и как они учитывали в этих сочинениях точки зрения, которые могли возникать у образованных представителей местного населения.

Историческое мировоззрение, внутренний мир и конфликты в королевстве франков при Карле Великом

Когда после работ Ф. Гансхофа концепция распада и разложения Каролингской империи стала широко распространенной [32, 33], историки заговорили о том, что, несмотря на всю мощь династии и ее военной машины, в рамках Каролингской империи тем не менее оставались группы недовольной знати, которые хотя и не могли открыто выступать против франкских правителей, но тем не менее пытались сохранить свою обособленность. О том, что недовольные Каролингами были, свидетельствует ряд исследований, главное из которых было выполнено К. Бруннером [16]. Среди таких недовольных можно назвать и дальнего родственника Карла Великого, правителя Баварии Тассилона, и менее известных, но не менее важных в местных делах представителей знати со всего франкского королевства. Правда, «оппозиционность» знати была оспорена: целый ряд исследований показал, что большинство было заинтересовано в поддержании власти франкских королей, и поэтому само по себе существование семейных и местных группировок знати не означало их противостояния каролингскому государству [7, 4, 8, 6, 5]. В связи с этим вопрос о соотношении «официальной» точки зрения на прошлое и альтернативных взглядов на мир в исторических сочинениях остается открытым. Если исходить из общих соображений, то можно предположить, что претензии Пипинидов/Каролингов на власть не всегда воспринимались положительно. Так, Эйнхард подразумевал существование среди своей аудитории таких, кто не хотел бы тревожить историю Карла Великого: «*Et quamquam plures esse non ambigam, qui otio ac litteris dediti statum aevi praesentis non arbitrentur ita negligendum...*» [24, Prologus]. Это сочинение датируется 823 г., и в нем хотя бы в качестве литературной фигуры подразумевается, что желающие записывать исторические события существуют одновременно с теми, кто предпочел бы забыть события правления Карла Великого [66, с. 78-239].

В источниках, даже во многом выражавших официальную, прокаролингскую точку зрения, различимы голоса тех, кто не согласился с программой создания общеевропейской империи под властью франков и династии Каролингов [23, с. 202-205]. Фактически перед исследователями возникает вопрос о том, насколько наше представление о Каролингской эпохе зависит от исторических сочинений и документов, которые отражали взгляд «победителей», т. е. правящей династии, и не упускаем ли мы крайне важные процессы, которые остаются незаметными, если обращать внимание только на официальную пропаганду. Вопрос о том, нельзя ли найти в хрониках и исторических сочинениях каролингского периода следы иного, непохожего на официальную пропаганду, взгляда на историю франкского королевства, особенно актуален в связи с исследованиями социальной структуры каролингского общества [30; 42, с. 186, 260-262]. Сам факт сохранения таких сообщений в хрониках Каролингской эпохи уже был отмечен исследователями [15; 42, с. 186]. Фактически некоторые из них даже позволили себе использовать эти и другие подобные сообщения для того, чтобы пересмотреть представления об успехе распространения власти

франкских королей по Европе. В частности, под вопрос была поставлена сама идея о триумфальном шествии империи Карла Великого по Европе. Можно взять пример монастыря Лорш, в анналах которого сохранились разночтения с каролингской точкой зрения в вопросе распространения власти франкских королей к востоку от Рейна. Эти разночтения выражали две принципиально разные точки зрения на земли в области между Лоршем и Фульдой: если для каролингского двора они были частью восточно-франкского королевства, то местная знать продолжала считать себя «тюрингами» [10, Anno 785; 42, с. 186; 23, с. 179-205]. И это несмотря на то, что Лорш был так называемым имперским монастырем, аббат которого отвечал непосредственно перед королем франков.

В этом кратком исследовании нам хотелось бы указать на то, как обращение к истории и прошлому было формой коммуникации, посредством которой власть, т. е. Каролинги и их окружение, стремились найти общий язык с местной знатью и образованными людьми на местах. Многие из последних, стоит отметить, происходили, как это мы знаем в случае Рабана Мавра, из весьма знатных слоев регионального значения. Хотелось бы предложить идею о том, что историческому дискурсу, т. е. системе повествований о прошлом, была отведена функция посредника в процессе коммуникации между двором и знатью регионального значения. В социальном смысле эту функцию посредника выполняли аббаты, которые находились между официальной структурой власти каролингской империи и теми местными сообществами, которые входили в нее. Мы знаем на примере каролингских Лорша и Фульды, что аббаты были не просто главами церковных общин; они, будучи ответственны непосредственно перед королем франков, тем не менее должны были в повседневных делах сталкиваться с представителями местной знати и пользоваться у них определенным авторитетом, чтобы те видели в монастыре надежного партнера и жертвовали ему земли. Отношения между аббатами и местными землевладельцами были весьма тесными. Например, после того как родственники известного раннесредневекового ученого Рабана Мавра посетили монастырь Фульда в 791 г., аббат Баугольф был описан в грамотах их дарений как «шутник» (*jocundissimus*) [64, по 177, 178, 219; 42, с. 66]. И более того, до того, как стать аббатом, Баугольф был графом, т. е. лицом, обладавшим полнотой светской власти в области монастыря Фульда. Тем самым, аббаты могли (или даже предпочитали) общаться и говорить с местной знатью на их «языке», т. е. использовать общую систему представлений [42, с. 260-262].

Имея в виду столь сердечные и теплые отношения, которые складывались между местной знатью и представителями каролингской иерархии, можно предположить, что тот общий «язык», на котором говорили каролингские чиновники и местная знать, включал в себя также и общее отношение к прошлому. Можно предположить, исходя из общих работ, что история и общее видение прошлого были важны не только для того, чтобы создать единое сообщество властителей, приближенной к ним знати и образованных людей на самом вершине. По-видимому, общее видение истории должно было достигать самого низового

уровня региональных социумов, чтобы противоположные официальной каролингской точке зрения видения истории не имели возможности для распространения и создания альтернативной системы представлений об истории и, соответственно, о самой династии. Будучи посредниками в делах, касавшихся сбора податей, дарения и передачи земель, аббаты и образованные монахи, которым было поручено составление хроник, фактически могли выступать как своего рода культурные посредники между письменной культурой каролингского государства и местными устными традициями, которые они иногда включали в летописные своды.

Анналы и хроники Каролингской эпохи, составлявшиеся в монастырях, являются в данном случае главным источником. Основным современным ранним Каролингам источником были Мецские анналы, причинами составления которых ученые считали множество разных факторов, связанных с той или иной репрезентацией идеала каролингской власти. Например, за их составлением могло стоять желание доказать особую связь франкских королей новой династии и папства или объяснить необходимость экспансии в Италию для франкской знати [37]. Если их суммировать, то можно сделать вывод, что авторы стремились так или иначе описать легитимность или превосходство франкского королевства при Каролингах [27, с. 340-349]. Они фактически первыми создали из хроник и анналов меровингского периода связный нарратив, посвященный приходу к власти Каролингов [39, с. 177]. Казалось бы, эти анналы были в наибольшей степени посвящены попытке легитимации именно современных для их авторов королей франков [39, с. 190]. Однако не что иное как прошлое давало больше всего прав на власть. Именно в той части, которая была посвящена Пипину II, Карлу Мартеллу и Пипину III, автор в наибольшей степени манипулировал источниками для создания нужного ему образа франкской монархии [39, с. 189]. Таким образом, именно взгляд в прошлое, а не в настоящее, в котором на тот момент главным состоянием была борьба за продление династии и сохранение единства королевства, был важен для создания легитимности правителей.

Несмотря на согласие со своими предшественниками, современные исследователи посмотрели на известные примеры каролингского историописания с другой точки зрения и поставили ряд новых вопросов. Соглашаясь с общей оценкой, они тем не менее постарались уточнить характер каролингской историографии. В работах вышеупомянутых исследователей были сделаны осторожные попытки сместить акценты в оценке «официозного», «идеологического» характера обращения к истории в каролингскую эпоху. В частности, было показано, что в исторических сочинениях каролингской эпохи можно найти определенный подтекст, отличающийся от той точки зрения, которая выражалась автором в согласии с общим для каролингских властителей и их знати видением. Несмотря на близость Нитарда к королевскому двору Людовика Немецкого, его отношение к раздору между каролингскими соправителями значительно поменялось с заключением Верденского договора 843 г., и он во многом не смог

простить своего патрона Людовика, который пошел на компромисс. В его историческом сочинении проскальзывают личные нотки (и более того, критика своего патрона), потому что, как считает исследовательница, Нитард понес личные потери: после того как Людовик Немецкий примирился со своим сводным братом Карлом Лысым, новые границы между королевствами исключали возможность для Нитарда получить назад поместье, которое он потерял из-за перемещения границ, пока правители мерились силой [58, с. 293]. Вслед за этим зарубежные и отечественные исследователи подчеркнули, что все значительные сочинения Каролингской эпохи (как то сочинения Нитарда, Тегана, Астронома) были не просто абстрактной каролингской пропагандой, а ответом на современные их авторам проблемы, которые казались им наиболее злободневными [44].

Сражение при Тертри и формирование каролингской точки зрения на историю

В качестве примера можно взять одну историографическую проблему, возникшую с самого начала появления Пипинидов у власти. Сражение при Тертри (687 г., неподалеку от Вердена) является одним из трех великих сражений, определивших ход меровингской истории, наряду с битвой при Пуатье в 507 г. между фраками и готами и битвой при Пуатье 732 г. между франками Карла Мартелла и сарацинами. Однако несмотря на большое значение каждого из этих событий, им было уделено разное внимание в историографии. Больше всего полемики было посвящено битве при Пуатье 732 г., поскольку именно в ней франкам под руководством Карла Мартелла удалось остановить проникновение в северную Галлию арабских отрядов; ей также было уделено значительное внимание в связи с тем значением, которое она имела для создания конных отрядов во франкской армии. Сражению при Пуатье в 507 г. тоже уделялось внимание, так как именно благодаря победе франков в этом сражении им удалось распространить власть на всю Галлию, хотя историки отказались считать это сражение великим [50, с. 3]. Стоит признать, что битва при Тертри тоже получила свою долю внимания. Однако оценка этого сражения сложилась давно и страдает определенной односторонностью, что делает необходимым снова обратиться к этой теме.

Напомним основные факты из истории меровингского королевства этого периода. VII в. в целом является сложным для оценки, потому что именно на основании событий этого периода историками традиционно делался вывод о меровингских правителях как «слабых» королях. Точкой отсчета для одной из эпох в развитии меровингских королевств стало правление короля Дагоберта I, который объединил Нейстрию, Австразию и Бургундию под своей властью. Но раннесредневековые правители не ставили перед собой задачи объединения королевства, и поэтому после смерти Дагоберта Нейстрия и Австразия продолжили существовать отдельно, а их правителями были сыновья Дагоберта Хлодвиг II и Сигиберт II. Именно в это время появляются первые свидетельства попыток знати подменить Меровингов, как это сделал, например, Эброин.

Однако некоторые современные историки подметили значительную взаимоподдержку между последними Меровингами и знатью, обратив внимание на личный состав знати в окружении королей. В частности, статус «*vir inluster*», который имел Пипин III, говорит о том, что даже соперники Меровингов пользовались привилегиями при дворе, которые они использовали в рамках общих для всей знати правил игры в королевстве. Об этом говорят грамоты, которые давали владения и привилегии майордому, хотя в нарративных сочинениях поддержки от последних Меровингов майордому не было видно [62, с. 150]. Таким образом, единой версии истории этого периода нет, потому что нарративные исторические сочинения отличаются по своей информации от материала грамот. В связи с этим любое событие в истории VII в. является проблемой для интерпретации и дает возможность исследовать процесс формирования исторической концепции в среде историков каролингского периода.

Теперь обратимся собственно к сражению. Анналы города Меца, которые содержат наиболее живое описание военных аспектов этого события, к сожалению, стоят наособицу, и информация из них не поддерживается данными из других хроник. Поэтому позволим себе отложить обсуждение этих аспектов и обратимся в первую очередь к наиболее надежным свидетельствам. А самый надежный источник скупо сообщает о том, что в 687 г. майордом Австразии Пипин II, сын дочери Пипина I и Ансегизеля, осадил короля Нейстрии Теодериха III в одном из замков Вермандуа. Поскольку, как мы узнаем из «Истории франков», к тому времени майордом короля Нейстрии Берхарий был убит в результате дворцовых интриг, короля Теодериха III защищать было некому, и Пипин захватил его вместе с королевской казной. Самого короля он оставил в Нейстрии, а сам, как сообщает «Продолжатель Фредегара», отбыл в Австразию. Самая краткая версия этого события, содержащая минимум субъективных оценок, находится в сочинении, которое являлось дополнением ко всемирной Хронике Фредегара, автора конца VI или начала VII в. Продолжение это состоит из ряда событий: «*Post haec Pippinus Theodorico rege accipiens cum thesauris et domum palatii omnia peragens in Auster remeavit*» [29, Cap. 5 (100)]. Этот эпизод был продолжением давнего соперничества между Нейстрией, Австразией и Бургундией, которые составляли один из постоянных сюжетов истории меровингского франкского королевства. Более того, хотелось бы выдвинуть следующую гипотезу: сражение при Тертри во многом не отличалось от ряда других эпизодов столкновений между нейстрийцами и австразийцами.

Отношение современных историков к сражению при Тертри в значительной степени основывается не на самой краткой версии события, а на тех ее вариантах, которые появляются в других хрониках. Благодаря историкам Каролингской эпохи, мы сегодня обсуждаем это событие как одно из важнейших в процессе смены династий в королевстве франков. Главным результатом этого сражения для каролингских историков было возвышение майордома Австразии Пипина II в качестве майордома обоих королевств, Нейстрии и Австразии. Основным

источником является *Liber historiae francorum*, которая говорит о том, что Пипин II стал «первым майордомом королевства»: «Post haec Pippinus Theuderico rege coepit esse princepsale regimine maiorum domus» [49, Cap. 48]. В другом сочинении говорилось даже о том, что Пипин стал главным правителем франкского королевства: «Pippinus Auster maior domus regiae principatum Francorum suscepit» [40, с. 364; 25, с. 328]. В Каролингскую эпоху или позже эта история приобрела анахроничное звучание. В одной из хроник этот эпизод представлен в другом ключе: в ней рассказывается, что в 687 г. после смерти короля Дагоберта королем стал Пипин: «Dagobertus rex francorum mortuus est, et Pippinus prius maior domus, filius Ansgisi regum francorum optinuit cum regibus suis subiectis» [20, с. 482]. Для каролингских историков и их наследников 687 г. имел значение поворотного события. Однако стоит отметить парадоксальную на первый взгляд особенность. Хотя можно было бы предположить, что эта точка зрения была настолько выгодна Каролингам, что должна была бы появляться во всех хрониках и анналах, на самом деле битва при Тертри приобрела характер поворотного события только в анналах Меца, города св. Арнульфа. Во всех остальных анналах этого периода мы находим замечания разной степени драматичности, но нигде нет чувства, что именно это событие изменило ход истории, как это чувствовал анналист из Меца, где память о св. Арнульфе делала город особым для Каролингов местом. Наибольшей активности выпячивание ключевых для Каролингов событий в качестве поворотных (а именно истории битвы при Тертри) достигло только в Меце, который был для династии сакральным центром, местом, в котором был епископом основатель династии Св. Арнульф. Каролинги понимали значимость историописания для формирования образа династии, что привело к формированию ряда положительных образов правителей этой династии в исторических сочинениях и анналах. Однако одновременно можно отметить, что при всей своей заинтересованности в создании общего представления о прошлом двор Карла Великого и в особенности образованные люди из окружения короля не стремились к тотальному распространению своего мирозерцания среди всех грамотных людей, находившихся под их властью.

«Историзм» как способ выражения политической культуры и формирования знаковой системы власти для самоидентификации

Развитие исторической мысли привело к серьезной переоценке роли истории в создании репрезентаций власти и социума. Социальные группы конструируют свой образ в мире, опираясь на согласие в отношении своего прошлого: «The past was so assiduously used as an explanation of the present only in order that the present might be better justified or condemned» [13, с. 26; 35; 19, с. 18-19; 53, с. 85]. Любые попытки выражения своей идентичности посредством письменной культуры упираются, как было показано, в обращение к прошлому, к истории и к созданию представления об истории, которое бы поддерживало принятую сообществом версию своей собственной идентичности [26, гл. 7]. Эта память, создаваемая для

самоидентификации сообщества в настоящем, всегда приобретает свою форму посредством коммуникации [59; 53, с. 85]. Таким образом, образ власти создавался в Каролингскую эпоху в первую очередь как историческая реминисценция, а не как система ценностей, построенная на реалиях настоящего для историка времени без отсылки к прошлому. Процесс восприятия этой реминисценции как нормы самоопределения социума проходил путем коммуникации между членами социума, внутри образованного сообщества и вне. В пользу этого свидетельствует широкое распространение в это время хроник и анналов, в которых фиксировались события из истории королевства франков. Их многочисленность и появление историописания как жанра, занявшего по сравнению с прошлыми периодами одно из главенствующих мест в письменной культуре, показывает, что главным способом оценки правителей и значимости исторических событий стало постоянное помещение их в исторический контекст и формирование образа власти именно как результата исторического развития, а не как данности. Историки, такие как Эйнхард, Нитард, Теган, Астроном, выразившие, в отличие от авторов многих анналов, свое личное мнение относительно истории франков, стремились именно через историческое сочинение донести свое видение современной им каролингской власти [53, с. 84-173; 11]. Практически через десятилетие Карл Великий стал не просто еще хорошо помнящимся прошлым, а перенесся в своего рода иное время, «Золотой век», где уже не существовало проблем, о которых знали современники [31, с. 17]. Даже Эйнхард, который явно заявлял в своем сочинении о попытке описать жизнь Карла Великого в терминах, наиболее близких к его реальной жизни, писал свое сочинение через полтора десятилетия после его смерти и фактически признавал, что это больше результат работы памяти, чем повествование, написанное по горячим следам [24, Prologus]. Это сочинение датируется 823 г., но даже в этом случае оно представляет собой работу памяти [66, с. 78-239]. Эта особенность каролингского мирозерцания была отмечена исследователями, и она должна быть учтена при анализе представлений о власти этого периода.

Проблема оценки этого периода связана в первую очередь с коренным изменением баланса сил не только в Европе, но и в Средиземноморье и во всей античной ойкумене в целом, что привело к серьезным последствиям для королевства франков как политического образования в одном из регионов, ранее составлявших часть Западной Римской империи. В частности, в эпоху правления Меровингов франкские правители видели себя как наследников Хлодвига и, по-видимому, не пытались превысить те полномочия как в Галлии, так и в Средиземноморье, которые Хлодвиг имел как патриций и консул, получивший свои титул и звание от императора Анастасия. До конца правления Меровинги видели себя своего рода наместниками империи, функция которых состояла в том, чтобы держать Галлию в рамках традиционного баланса сил в Средиземноморье [38, с. 43]. Не стоит забывать о том, однако, что память о Римской империи, хотя и объединяла различные регионы и служила основой легитимности варварских правителей, создавших свои королевства

на территориях бывших римских провинций, понималась в разных регионах и королевствах по-разному и фактически была значительно фрагментирована [21]. Появление и распространение ислама на Ближнем Востоке и в Средиземноморье привело к тому, что старые экономические связи распались, и очевидно, что распалось также и единство позднеантичного и раннесредневекового баланса власти в западном Средиземноморье. Если до VII в. франкское королевство было частью мира, созданного еще в V в., в котором варварские правители, занявшие бывшие провинции Западной Римской империи, составляли часть единого сообщества, иногда бывшего под эгидой таких значимых пап, как Григорий I [61, 41, 67], то в VIII-IX вв. коренным образом изменилось не только устройство самого королевства франков, но и его место в системе взаимоотношений Средиземноморья. После распада единства Средиземноморья королевство вынуждено было начать существовать вне контекста, заданного ранее существовавшей структурой власти Поздней Римской империи, и поэтому в VIII в. последовал ряд существенных преобразований в системах и структурах власти. Ответ Карла Мартелла на вызовы нового времени не сразу, но дал свой толчок к изменению взглядов элит на принципы организации власти и привел в долгосрочной перспективе к распространению сначала в самых высших эшелонах власти, а потом и на местах изменения системы правил для взаимодействия между правителями и местной знатью [45]. Распад баланса сил в Средиземноморье привел к подобным последствиям и в Северной Европе, что спровоцировало экспансию королей франков и распространение их власти практически на всю территорию Западной Европы. Поэтому, несмотря на триумфальное шествие отрядов Карла Великого по Европе, историческое мирозерцание даже в центральных для династии землях должно было создаваться в процессе постоянной коммуникации и поиска согласия в отношении прошлого с образованными представителями местной знати.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидоров А. И. Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения / А. И. Сидоров. СПб.: Гуманитарная академия, 2006. 349 с. (Studia classica).
2. Сидоров А. И. Сочинения античных, раннехристианских и «варварских» историков в культурном пространстве каролингской эпохи / А. И. Сидоров // Средние века. 2008. Т. 69. № 3. С. 46-80.
3. Тюленев В. М. К вопросу о восприятии времени в раннем христианстве / В. М. Тюленев // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 3. Филология. История. Философия. С. 81-87.
4. Airlie S. *Semper Fideles ? Loyauté envers les Carolingiens comme constituant de l'identité aristocratique* / S. Airlie // *La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne (début IXe siècle aux environs de 920)*. Т. 17 / sous la dir. de R. Le Jan. Villeneuve d'Ascq, 1998. Pp. 129-143. (Centre d'histoire l'Europe du Nord-Ouest).

5. Airlie S. After Empire: Recent Work on the Emergence of Post-Carolingian Kingdoms / S. Airlie // *Early medieval Europe*. 1993. Vol. 2. Pp. 153-161.
DOI: 10.1111/j.1468-0254.1993.tb00015.x
6. Airlie S. Bonds of Power and Bonds of Association in the Court Circle of Louis the Pious / S. Airlie // *Charlemagne's Heir: New Perspectives on the Reign of Louis the Pious (814-840)* / ed. by P. Godman, R. Collins. Oxford: Clarendon Press, 1990. Pp. 191-204.
7. Airlie S. The Aristocracy / S. Airlie // *New Cambridge Medieval History*. Vol. 2 / ed. by R. McKitterick. Cambridge, 1995. Pp. 431-450. DOI: 10.1017/CHOL9780521362924.019
8. Airlie S. The Nearly Men: Boso of Vienne and Arnulf of Bavaria / S. Airlie // *Nobles and Nobility in Medieval Europe* / ed. by A. Duggan. Woodbridge, 2000. Pp. 25-41.
9. *Annales Laurissenses minores* // MGH SS. Bd. 1. 1826. S. 112-123.
10. *Annales Nazariani* // MGH Scriptorum / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 1829. S. 23-45.
11. Barnwell P. S. Einhard, Louis the Pious and Childeric III / P. S. Barnwell // *Historical Research*. 2005. Vol. 78:200. Pp. 129-139. DOI: 10.1111/j.1468-2281.2005.00224.x
12. Becher M. Karl der Grosse / M. Becher. München: Beck, 2007. 127 S.
13. Bloch M. The Historian's Craft / M. Bloch. Manchester: Manchester University Press, 1992.
14. Brincken A.-D. von den. Studien zur lateinischen Weltchronistik bis in das Zeitalter Ottos von Freising / A.-D. von den Brincken. Düsseldorf: M. Triltsch, 1957. 249 S.
15. Brunner K. Auf die Spuren verlorener Traditionen / K. Brunner // *Peritia*. 1983. Jg. 2. S. 1-22.
16. Brunner K. Oppositionelle Gruppen im Karolingerreich / K. Brunner. Wien: Böhlau, 1979. 224 S. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung; 25).
17. Bullough D. Europae Pater: Charlemagne and His Achievement in the Light of Recent Scholarship / D. Bullough // *English historical review*. 1970. Vol. 85. Pp. 59-105.
DOI: 10.1093/ehr/LXXXV.334.59
18. Bullough D. The Age of Charlemagne / D. Bullough. London, 1965.
19. Burke P. The Renaissance Sense of the Past / P. Burke. London: Edward Arnold, 1969.
20. *Chronica collecta a Magno Presbytero* // MGH Scriptorum. Bd. 17 / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1861. S. 476-523. (MGH Scriptorum).
21. Conant J. Staying Roman: Conquest and Identity in Africa and the Mediterranean, 439-700 / J. Conant. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 438 p. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series). DOI: 10.1017/CBO9781139048101
22. Costambeys M. The Carolingian World / M. Costambeys, M. Innes, S. MacLean. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. (Cambridge Medieval Textbooks). DOI: 10.1017/CBO9780511973987
23. Davis J. R. Charlemagne's Practice of Empire / J. R. Davis. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 531 p. DOI: 10.1017/CBO9781139924726
24. Einhard. Vita Karoli Magni / hrsg. von G. H. Pertz, G. Waitz, O. Holder-Egger. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1911. (MGH Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi; 25).
25. Ercanberti Breviarium // MGH Scriptorum. Bd. 2 / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1829. S. 327-329.
26. Fentress J. Social Memory / J. Fentress, C. Wickham. Oxford: Blackwell, 1992.
27. Fouracre P. Late Merovingian France: History and Hagiography, 640-720 / P. Fouracre, R. A. Gerberding. Manchester: Manchester University Press, 1996. 397 p. (Manchester Medieval Sources).

-
28. Frechulf. Frechulfi Lexoviensis episcopi opera omnia / sous la dir. de M. I. Allen. Turnhout: Brepols, 2002. (Corpus Christianorum., Continuatio Mediaevalis; 169-169A).
  29. Fredegarii. Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum Continuationibus // MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum. Bd. 2. Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 1-193.
  30. Friese E. Studien zur Einzugsbereich des Kloster von Fulda / E. Friese // Die Klostersgemeinschaft von Fulda im früheren Mittelalter. 2:3 / hrsg. von K. Schmid, G. Althoff. München, 1978. S. 1003-1269. (Münstersche Mittelalter-Schriften).
  31. Gabriele M. An Empire of Memory: The Legend of Charlemagne, the Franks, and Jerusalem before the First Crusade / M. Gabriele. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199591442.001.0001
  32. Ganshof F. L. Charlemagne's Failure // F. L. Ganshof, The Carolingians and the Frankish monarchy. Ithaca, 1971. Pp. 256-259.
  33. Ganshof F. L. The Last Period of Charlemagne's Reign: A Study in Decomposition / F. L. Ganshof // The Carolingians and the Frankish monarchy. Ithaca, 1971. Pp. 240-254.
  34. Guenée B. Histoire et culture historiqe dans l'Occident medieval / B. Guenée. Paris: Aubier Montaigne, 1980. 439 p.
  35. Halbwachs M. Les cadres m'emoire de la m'emoire / M. Halbwachs. Paris: Albin Michel, 1925.
  36. Hartmann W. Karl der Grosse / W. Hartmann. Stuttgart: Kohlhammer, 2010. 333 S.
  37. Haselbach I. Aufstieg und Herrschaft der Karlinger in der Darstellung der sogenannten Annales Mettenses priores: ein Beitrag zur Geschichte der politischen Ideen im Reiche Karls des Grossen / I. Haselbach. Lübeck; Hamburg: Matthiesen Verlag, 1970.
  38. Hauck K. Von einer spätantiker Randkultur zum karolingischen Europa / K. Hauck // Frühmittelalterliche Studien. 1967. Jg. 1. S. 3-93.
  39. Hen Y. The Annals of Metz and the Merovingian Past / Y. Hen // The uses of the past in the early Middle Ages / Y. Hen, M. Innes as ed. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2000. Pp. 175-190. DOI: 10.1017/CBO9780511496332.009
  40. Historia Francorum Senoniensis a. 688-1034 // MGH Scriptorum. Bd. 9. Scriptorum / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1851. S. 364-369.
  41. Hodges R. Mohammed, Charlemagne, and the Origins of Europe: Archeology and the Pirenne Thesis / R. Hodges, D. Whitehouse. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983.
  42. Innes M. State and Society in the Early Middle Ages: The Middle Rhine Valley, 400-1000. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 316 p. DOI: 10.1017/CBO9780511496349
  43. Innes M. Teutons or Trojans? The Carolingian and the Germanic Past / M. Innes // The uses of the past in the early Middle Ages / ed. by Y. Hen, M. Innes. Cambridge, 2000. Pp. 227-249. DOI: 10.1017/CBO9780511496332.011
  44. Innes M. The Uses of the Past in the Early Middle Ages / M. Innes. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
  45. Joch W. Karl Martell — ein mindberechtigter Erbe Pippins / W. Joch // Karl Martell in seiner Zeit / hrsg. von J. Jarnut, U. Nonn, M. Richter. Sigmaringen, 1994. S. 149-169. (Beihefte der Francia; 37).
  46. Kortüm H. H. Weltgeschichte am Ausgang der Karolingerzeit: Regino von Prüm / H. H. Kortüm // Historiographie im frühen Mittelalter / hrsg. von A. Scharer, G. Scheibelreiter. München: Oldenbourg, 1994. S. 499-513.
-

47. Levillain L. L'avenement de la dynastie carolingienne et les origines de l'état pontifical 745-757 / L. Levillain // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1933. T. 94. Pp. 225-295. DOI: 10.3406/bec.1933.449028
48. Levillain L. Le couronnement impérial de Charlemagne / L. Levillain // *Revue d'histoire de l'Église de France*. 1932. T. 18. No 78. Pp. 5-19. DOI: 10.3406/rhef.1932.2602
49. *Liber historiae francorum // Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum*. Bd. 2 / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 215-328. (MGH *Scriptores Rerum Merovingicarum*).
50. Mathisen R. W. The First Franco-Visigothic War and the Prelude to the Battle of Vouillé / R. W. Mathisen // *The battle of Vouille, 507 CE: where France began* / ed. by R. W. Mathisen, D. Shanzer. Boston: Walter de Gruyter, 2012. Pp. 3-9. (Millennium studies; 37). DOI: 10.1515/9781614510994.3
51. McKitterick R. *Akkulturation and the Writing of History in the Early Middle Ages* / R. McKitterick // *Akkulturation: Probleme einer germanisch-romanischen Kultursynthese in Spätantike und frühem Mittelalter* / hrsg. von D. Hägermann, W. Haubrichs, J. Jarnut. Berlin, 2004. S. 381-395. DOI: 10.1515/9783110909760.381
52. McKitterick R. *Charlemagne: The Formation of a European Identity* / R. McKitterick. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 460 p. DOI: 10.1017/CBO9780511803314
53. McKitterick R. *History and Memory in the Carolingian World* / R. McKitterick. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 337 p. DOI: 10.1017/CBO9780511617003
54. McKitterick R. *Political Ideology in Carolingian Historiography* / R. McKitterick // *The uses of the past in the early Middle Ages* / ed. by Y. Hen, M. Innes. Cambridge, 2000. Pp. 162-174. DOI: 10.1017/CBO9780511496332.008
55. McKitterick R. *The Audience for Latin Historiography in the Early Middle Ages: Text Transmission and Manuscript Dissemination* / R. McKitterick // *Geschichtsschreibung im Frühmittelalter* / ed. by A. Scharer, G. Scheibelreiter. Vienna, 1994. Pp. 96-114.
56. McKitterick R. *The Illusion of Royal Power in the Carolingian Annals* / R. McKitterick // *English Historical Review*. 2000. T. 115:460. Pp. 1-20. DOI: 10.1093/enghis/115.460.1
57. Meyvaert P. *Discovering the Calendar (Annalis Libellus) Attached to Bede's Own Copy of De temporum ratione* / P. Meyvaert // *Analecta Bollandiana*. 2002. Vol. 120. Pp. 1-159. DOI: 10.1484/J.ABOL.4.00117
58. Nelson J. L. *Public Histories and Private History in the Work of Nithard* / J. L. Nelson // *Speculum*. 1985. Vol. 60. No 2. Pp. 251-293. DOI: 10.2307/2846472
59. *New Approaches to Medieval Communication* / M. Mostert as ed. Turnhout, 1999. (Utrecht studies in medieval literacy).
60. Ondracek C. *Die lateinische Weltchronistik bis in das 12 Jahrhundert* / C. Ondracek // *Weltbild und Realität: Einführung in die mittelalterliche Geschichtsschreibung* / hrsg. von U. Knefelkamp. Pfaffenweiler: Centaurus, 1992. S. 1-14.
61. Pirenne H. *Mahomet et Charlemagne* / H. Pirenne. 2e éd. Paris: Felix Alcan, 1937.
62. Reimitz H. *Viri illustres und omnes Franci: Zur Gestaltung der feinen Unterschiede in historiographischen und diplomatischen Quellen der frühen Karolingerzeit* / H. Reimitz // *Urkunden — Schriften — Lebensordnungen. Neue Beiträge zur Mediävistik* / hrsg. von A. Schwarcz, K. Kaska. Wien, 2014. S. 123-150. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung; 63).

63. Reuter T. The End of the Carolingian Military Expansion / T. Reuter // Charlemagne's heir: New perspectives on the reign of Louis the Pious (814-840) / P. Godman, R. Collins as eds. Oxford: Clarendon, 1990. Pp. 391-405.
64. Stengel E. E. Urkundenbuch des Klosters Fulda: 1,1, Die Zeit des Abtes Sturm / E. E. Stengel. Marburg: Elwert, 1913. (Historische Kommission für Hessen und Waldeck; 10, 1).
65. Sullivan R. E. The Carolingian Age: Reflections on its Place in the History of the Middle Ages / R. E. Sullivan // Speculum. 1989. T. 64. Pp. 267-305. DOI: 10.2307/2851941
66. Tischler M. M. Einharts "Vita Karoli": Studien zur Entstehung, Überlieferung und Rezeption / M. M. Tischler. Bd. 1. Hannover: Hahnsche, 2001. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica; 48).
67. Van Dam R. The Pirenne Thesis and Fifth-Century Gaul / R. Van Dam // Fifth-century Gaul: A crisis of identity? / ed. by J. F. Drinkwater, H. Elton. Cambridge, 1992. Pp. 321-334.
68. Ward G. Lessons in Leadership: Constantine and Theodosius in Frechulf of Lisieux's Histories / G. Ward // The Resources of the Past in Early Medieval Europe / ed. by C. Gantner, R. McKitterick, S. Meeder. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. Pp. 68-86. DOI: 10.1017/CBO9781316134269.007
69. Weinfurter S. Karl der Grosse: der heilige Barbar / S. Weinfurter. München: Piper, 2013. 352 S.

Dmitriy N. STAROSTIN¹

**THE KINGDOM OF THE FRANKS
DURING THE CAROLINGIAN DYNASTY AND
THE DEVELOPMENTAL CHARACTERISTICS
OF THE HISTORICAL WORLDVIEW**

¹ Cand. Sci. (Hist.), Assistant Professor,
Department of the Medieval History,
Institute of History, Saint Petersburg University
d.starostin@spbu.ru

Abstract

This study attempts to evaluate and assess Carolingian “historicism”, which is the knowledge of history within the system of political self-identification and legitimation. Thus, the author sets two main goals. The first is to show that the consensus in relationship to the key events in the history of the Carolingian kingdom appeared in the historical writings because of a complex processes of negotiating between the alternative visions of the Carolingian rule. The second is to investigate this process of consensus negotiating as a social phenomenon and as a consequence of Charlemagne and his court’s need to take into account and accept the opposite opinions of the Frankish history that had emerged as a response of the local magnates to the incessant military campaigns.

Thus, this paper aims to show that in an attempt to shape its own vision of history, the Carolingian educated people were not only to construct their own narrative, but to do so in achieving consensus regarding history with the versions of the past that had emerged in annals and chronicles of local provenance and that emphasized the importance of local elites over that of the Carolingian court. The coronation of Pippin III and a number of events from the reign of Charlemagne (like the uprising of the Thuringians in the 780s) are used as model cases to establish the process whereby the alternative versions were reconciled and sometimes merged into one.

The novelty of this study is in applying this model to the representation of the Battle of Tertry, the history of which as the key event of the Carolingian history was developed only in the

---

Citation: Starostin D. N. 2017. “The Kingdom of the Franks during the Carolingian Dynasty and the Developmental Characteristics of the Historical Worldview”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 4, pp. 105-127.
DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-105-127

---

chronicles related to Saint Arnulf of Metz — the city, which had been viewed as the symbolic and sacral heritage by the Carolingians. At the same time, as this study suggests, the description of this battle was fragmentary and its importance subdued in the sources that originated in the places located away from the Carolingian center of authority, like Lorsch. This shows that the Carolingians felt themselves relatively limited in manipulating historical discourses. The representation of authority was constructed in the Carolingian period as a historical reminiscence, the legitimation of which was achieved in the process of communication between the ruler and his educated subjects, among which were both his court scholars and educated people in regional monasteries like Lorsch, whose origin lay in the local elites.

Keywords

Carolingian empire, historiography, the coronation of Charlemagne, the battle of Tertry, the image of Charlemagne, Louis the Pious, historical worldview.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-105-127

REFERENCES

1. Sidorov A. I. 2006. *Otzvuk nastoyashchego: Istoricheskaya mysl' v epokhu karolingskogo vrozozhdeniya* [The Echo of the Present: Historical Thought in the Era of the Carolingian Revival]. (Studia classica). St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya.
2. Sidorov A. I. 2008. "Sochineniya antichnykh, rannekhristsianskikh i 'varvarskikh' istorikov v kul'turnom prostranstve karolingskoy epokhi" [Compositions of Ancient, Early Christian and "Barbarian" Historians in the Cultural Space of the Carolingian Era]. *Srednie veka*, vol. 69, no 3, pp. 46-80.
3. Tyulenev V. M. 2008. "K voprosu o vospriyatii vremeni v rannem khristianstve" [To the Question of Perception of Time in Early Christianity]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no 3. Filologiya. Istoriya. Filosofiya, pp. 81-87.
4. Airlie S. 1998. « Semper Fideles ? Loyauté envers les Carolingiens comme constituant de l'identité aristocratique ». In: Jan R. Le de (ed.). *La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne (début IXe siècle aux environs de 920)*, vol. 17, pp. 129-43. (Centre d'histoire l'Europe du Nord-Ouest). Villeneuve d'Ascq.
5. Airlie S. 1993. "After Empire: Recent Work on the Emergence of Post-Carolingian Kingdoms". *Early medieval Europe*, vol. 2, pp. 153-161. DOI: 10.1111/j.1468-0254.1993.tb00015.x
6. Airlie S. 1990. "Bonds of Power and Bonds of Association in the Court Circle of Louis the Pious". *Charlemagne's Heir: New Perspectives on the Reign of Louis the Pious (814-840)*. Edited by P. Godman and R. Collins. Pp. 191-204. Oxford: Clarendon Press.
7. Airlie S. 1995. "The Aristocracy". *New Cambridge Medieval History*, vol. 2. Edited by R. McKitterick. Pp. 431-450. Cambridge. DOI: 10.1017/CHOL9780521362924.019
8. Airlie S. 2000. "The Nearly Men: Boso of Vienne and Arnulf of Bavaria". *Nobles and Nobility in Medieval Europe*. Edited by A. Duggan. Pp. 25-41. Woodbridge.

9. MGH SS. 1826. "Annales Laurissenses minors". MGH SS, bd. 1, pp. 112-123.
10. MGH Scriptorum. 1829. "Annales Nazariani". In: G. H. Pertz (ed.). MGH Scriptorum, pp. 23-45. Hannover: Hahn.
11. Barnwell P. S. 2005. "Einhard, Louis the Pious and Childeric III". *Historical Research*, vol. 78, no 200, pp. 129-139. DOI: 10.1111/j.1468-2281.2005.00224.x
12. Becher M. 2007. *Karl der Grosse*. München: Beck.
13. Bloch M. 1992. *The Historian's Craft*. Manchester: Manchester University Press.
14. Brincken A.-D. von den. 1957. *Studien zur lateinischen Weltchronistik bis in das Zeitalter Ottos von Freising*. Düsseldorf: M. Tritsch.
15. Brunner K. 1983. "Auf die Spuren verlorener Traditionen". *Peritia*, jg. 2, pp. 1-22.
16. Brunner K. 1979. *Oppositionelle Gruppen im Karolingerreich*. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung; 25). Wien: Böhlau.
17. Bullough D. 1970. "Europae pater: Charlemagne and His Achievement in the Light of Recent Scholarship". *English historical review*, vol. 85, pp. 59-105. DOI: 10.1093/ehr/LXXXV.334.59
18. Bullough D. 1965. *The Age of Charlemagne*. London.
19. Burke P. 1969. *The Renaissance Sense of the Past*. London: Edward Arnold.
20. MGH Scriptorum. 1861. "Chronica collecta a Magno Presbytero". In: G. H. Pertz (ed.). MGH Scriptorum, bd. 17, pp. 476-523.
21. Conant J. 2012. *Staying Roman: Conquest and Identity in Africa and the Mediterranean, 439-700*. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series). Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139048101
22. Costambeys M., Innes M., MacLean S. 2011. *The Carolingian World*. (Cambridge Medieval Textbooks). Cambridge: Cambridge University Press.
23. Davis J. R. 2015. *Charlemagne's Practice of Empire*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139924726
24. Einhard. 1911. *Vita Karoli Magni*. Edited by G. H. Pertz, G. Waitz, O. Holder-Egger. (MGH Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi; 25). Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani.
25. MGH Scriptorum 1829. "Ercanberti Breviarium". In: G. H. Pertz (ed.). MGH Scriptorum, bd. 2, pp. 327-329. Hannover.
26. Fentress J., Wickham C. 1992. *Social Memory*. Oxford: Blackwell.
27. Fouracre P., Gerberding R. A. 1996. *Late Merovingian France: History and Hagiography, 640-720*. (Manchester Medieval Sources). Manchester: Manchester University Press.
28. Frechulf. 2002. *Frechulfi Lexoviensis episcopi opera omnia*. Sous la direction de M. I. Allen. (Corpus Christianorum., Continuatio Mediaevalis; 169-169A). Turnhout: Brepols.
29. Fredegarii. 1888. "Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum Continuationibus". In: Krusch B. (ed.). MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum, bd. 2. Fredegarii et aliorum chronica. *Vitae sanctorum*, pp. 1-193. Hannover.
30. Friese E. 1978. "Studien zur Einzugsbereich des Kloster von Fulda". *Die Klostersgemeinschaft von Fulda im früheren Mittelalter*. 2:3. Edited by K. Schmid, G. Althoff. Pp. 1003-1269. (Münstersche Mittelalter-Schriften). München.
31. Gabriele M. 2011. *An Empire of Memory: The Legend of Charlemagne, the Franks, and Jerusalem before the First Crusade*. Oxford; New York: Oxford University Press.

32. Ganshof F. L. 1971. "Charlemagne's Failure". In: F. L. Ganshof, *The Carolingians and the Frankish monarchy*, pp. 256-259. Ithaca.
33. Ganshof F. L. 1971. "The Last Period of Charlemagne's Reign: A Study in Decomposition". In: F. L. Ganshof, *The Carolingians and the Frankish monarchy*, pp. 240-254. Ithaca.
34. Guenée B. 1980. *Histoire et culture historiqe dans l'Occident medieval*. Paris: Aubier Montaigne.
35. Halbwachs M. 1925. *Les cadres m'emoire de la m'emoire*. Paris: Albin Michel.
36. Hartmann W. 2010. *Karl der Grosse*. Stuttgart: Kohlhammer.
37. Haselbach I. 1970. *Aufstieg und Herrschaft der Karlinger in der Darstellung der sogenannten Annales Mettenses priores: ein Beitrag zur Geschichte der politischen Ideen im Reiche Karls des Grossen*. Lübeck; Hamburg: Matthiesen Verlag.
38. Hauck K. 1967. "Von einer spätantiker Randkultur zum karolingischen Europa". *Frühmittelalterliche Studien*, jg. 1, pp. 3-93.
39. Hen Y. 2000. "The Annals of Metz and the Merovingian Past". In: Hen Y., Innes M. (eds.). *The Uses of the Past in the Early Middle Ages*, pp. 175-190. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511496332.009
40. MGH Scriptorum 1851. "Historia Francorum Senoniensis a. 688-1034". In: Pertz G. H. (ed.). *MGH Scriptorum*, bd. 9. Scriptorum, pp. 364-369. Hannover.
41. Hodges R., Whitehouse D. 1983. *Mohammed, Charlemagne, and the Origins of Europe: Archeology and the Pirenne Thesis*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
42. Innes M. 2000. *State and Society in the Early Middle Ages: The Middle Rhine Valley, 400-1000*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511496349
43. Innes M. 2000. "Teutons or Trojans? The Carolingian and the Germanic Past". In: Hen Y., Innes M. (eds.). *The Uses of the Past in the Early Middle Ages*, pp. 227-249. Cambridge. DOI: 10.1017/CBO9780511496332.011
44. Innes M. 2000. *The Uses of the Past in the Early Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press.
45. Joch W. 1994. "Karl Martell — ein mindberechtigter Erbe Pippins". In: Jarnut J., Nonn U., Richter M. (eds.). *Karl Martell in seiner Zeit. Sigmaringen*, pp. 149-169. (Beihefte der Francia; 37).
46. Kortüm H. H. 1994. "Weltgeschichte am Ausgang der Karolingerzeit: Regino von Prüm". In: Scharer A., Scheibelreiter G. (eds.). *Historiographie im frühen Mittelalter*, pp. 499-513. München: Oldenbourg.
47. Levillain L. 1933. « L'avenement de la dynastie carolingienne et les origines de l'etat pontifical 745-757 ». *Bibliothèque de l'école des chartes*, vol. 94, pp. 225-295.
48. Levillain L. 1932. « Le couronnement impérial de Charlemagne ». *Revue d'histoire de l'Église de France*, vol. 18, no 78, pp. 5-19. DOI: 10.3406/rhef.1932.2602
49. *Fredegarii et aliorum chronica*. 1888. "Liber historiae francorum". *Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum*, bd. 2. Edited by B. Krusch. Pp. 215-328. (MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum). Hannover.
50. Mathisen R. W. 2012. "The First Franco-Visigothic War and the Prelude to the Battle of Vouillé". In: Mathisen R. W., Shanzer D. (eds.). *The Battle of Vouille, 507 CE: Where France began*, pp. 3-9. (Millennium studies; 37). Boston: Walter de Gruyter.

51. McKitterick R. 2004. "Akkulturation and the Writing of History in the Early Middle Ages". In: Hägermann D., Haubrichs W., Jarnut J. (eds.). *Akkulturation: Probleme einer germanisch-romanischen Kultursynthese in Spätantike und frühem Mittelalter*, pp. 381-395. Berlin. DOI: 10.1515/9783110909760.381
52. McKitterick R. 2008. *Charlemagne: The Formation of a European Identity*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511803314
53. McKitterick R. 2004. *History and Memory in the Carolingian World*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511617003
54. McKitterick R. 2000. "Political Ideology in Carolingian Historiography". In: Hen Y., Innes M. (eds.). *The Uses of the Past in the Early Middle Ages*, pp. 162-174. Cambridge.
55. McKitterick R. 1994. "The Audience for Latin Historiography in the Early Middle Ages: Text Transmission and Manuscript Dissemination". In: Scharer A., Scheibelreiter G. (eds.). *Geschichtsschreibung im Frühmittelalter*, pp. 96-114. Vienna.
56. McKitterick R. 2000. "The Illusion of Royal Power in the Carolingian Annals". *English Historical Review*, vol. 115, no 460, pp. 1-20. DOI: 10.1093/enghis/115.460.1
57. Meyvaert P. 2002. "Discovering the Calendar (Annalis Libellus) Attached to Bede's own Copy of *De temporum ratione*". *Analecta Bollandiana*, vol. 120, pp. 1-159.
58. Nelson J. L. 1985. "Public Histories and Private History in the Work of Nithard". *Speculum*, vol. 60, no 2, pp. 251-293. DOI: 10.2307/2846472
59. Mostert M. (ed.). 1999. *New Approaches to Medieval Communication*. (Utrecht studies in medieval literacy). Turnhout.
60. Ondracek C. 1992. "Die lateinische Weltchronistik bis in das 12 Jahrhundert". Knefelkamp U. (ed.). *Weltbild und Realität: Einführung in die mittelalterliche Geschichtsschreibung*, pp. 1-14. Pfaffenweiler: Centaurus.
61. Pirenne H. 1937. *Mahomet et Charlemagne*. 2nd edition. Paris: Felix Alcan.
62. Reimitz H. 2014. "Viri illustres und omnes Franci: Zur Gestaltung der feinen Unterschiede in historiographischen und diplomatischen Quellen der frühen Karolingerzeit". In: Schwarcz A., Kaska K. (eds.). *Urkunden — Schriften — Lebensordnungen. Neue Beiträge zur Mediävistik*, pp. 123-150. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung; 63). Wien.
63. Reuter T. 1990. "The End of the Carolingian Military Expansion". In: Godman P., Collins R. (eds.). *Charlemagne's heir: New perspectives on the reign of Louis the Pious (814-840)*, pp. 391-405. Oxford: Clarendon.
64. Stengel E. E. 1913. *Urkundenbuch des Klosters Fulda: 1,1, Die Zeit des Abtes Sturmli*. (Historische Kommission für Hessen und Waldeck; 10, 1). Marburg: Elwert.
65. Sullivan R. E. 1989. "The Carolingian Age: Reflections on its Place in the History of the Middle Ages" *Speculum*, vol. 64, pp. 267-305. DOI: 10.2307/2851941
66. Tischler M. M. 2001. *Einharts "Vita Karoli": Studien zur Entstehung, Überlieferung und Rezeption*, bd. 1. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica; 48). Hannover: Hahnsche.
67. Van Dam R. 1992. "The Pirenne Thesis and Fifth-Century Gaul." In: Drinkwater J. F., Elton H. (eds.). *Fifth-century Gaul: A crisis of identity?*, pp. 321-334. Cambridge.
68. Ward G. 2015. "Lessons in Leadership: Constantine and Theodosius in Frechulf of Lisieux's Histories". In: Gantner C., McKitterick R., Meeder S. (eds.). *The Resources of the Past in Early Medieval Europe*, pp. 68-86. Cambridge: Cambridge University Press.
69. Weinfurter S. 2013. *Karl der Grosse: der heilige Barbar*. München: Piper.